

Посвящается Алексу

БЛАГОДАРНОСТИ

Спасибо моей семье и друзьям за любовь и поддержку. Спасибо Эмбер Шеферд за все, что ты делаешь. Моим бета-ридерам (Эмбер, Ирине, Эйприл и Саре), моему редактору Келли, дизайнеру обложки Мелиссе и всем читателям, благодаря которым все это становится возможным.

ГЛАВА I

Я устала ждать на отца и ждала, когда он скажет хоть слово после того, как сообщил мне эту неожиданную новость. В его глазах читалась такая невыносимая мука, что я испытала облегчение, когда он отвернулся.

Голова шла кругом, а я все пыталась придумать ответ на его заявление о том, что наследный принц Благого двора — мой брат. Брат, который умер двадцать лет назад, когда ему было два месяца от роду. Единственное убедительное объяснение крылось в том, что у папы помутился рассудок от стресса, пережитого после того, как я чуть было не погибла.

На меня нахлынуло чувство вины. Врачи предупреждали, что такое может случиться, если он не будет восстанавливаться постепенно. Нужно позвонить им. Мне становилось тошно оттого, что папе, возможно, придется вернуться в больницу, но его здоровьем рисковать нельзя. Половина излечившихся после употребления горена зависимых вновь начинали принимать его в течение первого года, и мой отец не станет одним из них.

Я накрыла его ладонь своей.

— Пап, ты выглядишь бледным. Может, тебе стоит немного вздремнуть?

— Мне не нужно вздремнуть. За последние четыре месяца я и так вдоволь выпался.

— Но...

Он снова перевел на меня взгляд.

— Со мной все в порядке, Джесси. Это весьма шокирующее воспоминание, и его нелегко осознать, но я не в бреду.

Я посмотрела в его ясные глаза. Говорил он вразумительно и не был похож на человека на грани нервного срыва. Но его заявление о том, что принц фейри — его покойный сын, было как раз из числа таких, за которые людей отправляли в психиатрическую лечебницу. Я не придумала ничего лучше, чем выслушать его и посмотреть, к чему это приведет.

— Ты можешь рассказать мне об этом?

Папа сделал судорожный вдох.

— Даже не знаю, с чего начать.

Я потянулась и взяла его за руку.

— Почему ты думаешь, что принц Риз — это Калев? Тебе кто-то это сказал?

— Нет. Твоя мама узнала принца, когда увидела его на снимках Теннина. Сказала, что волосы у него другие, но у принца мои глаза, да и сам он выглядит, как я, когда мне было двадцать. — Папа издал слабый смешок. — Я понимаю, как это звучит, ведь сначала и сам подумал то же самое.

— Почему же Теннин не рассказал мне об этом?

Папа покачал головой.

— Он не знал. Твоя мать рассказала мне, только когда мы сели обратно в машину. Я думал, что ей по-

мерещилось наше сходство, пока она не достала мою старую фотографию, которую хранила под козырьком.

Я вдруг осознала, что затаила дыхание.

— И?

— Будь у меня светлые волосы, я мог бы сойти за близнеца принца Риза, когда был в его возрасте.

Я должна была увидеть все своими глазами. Встала и подошла к шкафу, в котором мама хранила все фотоальбомы. Они были отмечены по годам, и я достала альбом со снимками времен юности моих родителей. С колотящимся в груди сердцем я отнесла его обратно на диван и села рядом с папой. Я сверлила взглядом обложку, боясь того, что увижу, едва ее переверну.

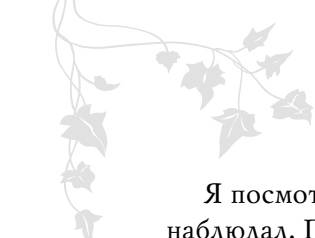
— Хочешь, чтобы я это сделал? — спросил папа, когда я даже не попыталась заглянуть внутрь.

— Нет.

Я приподняла обложку. На первых нескольких страницах были фотографии моей матери со школьными подругами, а следом ее небольшой снимок в платье и шапочке выпускника. Неспешно перевернув страницу, я увидела папину фотографию с выпускного, и казалось, что из моих легких выбили весь воздух.

— О господи, — прошептала я.

Достала свой телефон и нашла в Сети одну из тысяч фотографий наследного принца Благого двора. Положила его рядом с папиной фотографией, и мой мир сошел со своей оси. Не только их глаза были одинаковыми. У принца Риза и восемнадцатилетней версии моего отца были одинаковые улыбки и маленькие ямочки на подбородках. У принца были более утонченные черты лица, будто у мраморной статуи, у которой отполировали малейшие изъяны, но папа был прав. Они могли бы сойти за близнецов.

Я посмотрела на отца, который выжидающе за мной наблюдал. Прошло двадцать три года с тех пор, как был сделан этот снимок, и теперь его лицо стало более худым, а в уголках глаз и вокруг губ появились мелкие морщинки. Но если не обращать на это внимания, то, глядя на него, я видела лишь молодого мужчину, который улыбался мне с фотографии в альбоме.

— Как я могла этого не заметить? Когда я впервые разговаривала с принцем Ризом, мне показалось, будто я встречала его раньше, но подумала, это потому, что его фотографии были повсюду. — Я покачала головой. — А как же Брюс, Морис и остальные твои друзья, которые знали тебя в те годы? Никто из них не заметил сходства между тобой и самым знаменитым фэйри в мире?

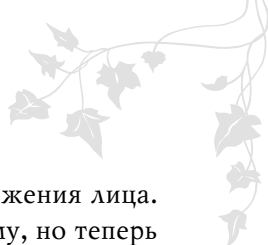
Папа пожал плечами.

— Сомневаюсь, что они точно вспомнят, как я выглядел в то время, если не посмотрят на фото. Так бывает, когда вы стареете вместе. А что до остальных, то люди порой не видят того, что у них под носом, особенно когда не ищут это. Кому бы пришлось в голову искать связь между мной и принцем Благого двора? Тебе вот не пришлось.

Я посмотрела на две фотографии. По личному опыту знала, как легко порой не заметить то, что было прямо перед глазами. Для меня до сих пор оставалось загадкой, как я могла не понять, кем на самом деле был Лукас, пока Роджин Хавас не проговорился об этом.

Я поджала губы и попыталась подобрать слова, чтобы выразить то, что нужно было сказать.

— То, что принц Риз похож на тебя, еще не значит, что он Калев. То есть... Калев умер. Вы с мамой оба видели его, были проведены и вскрытие, и похороны.

Я содрогнулась при виде папиного выражения лица. Они с мамой не любили говорить на эту тему, но теперь от этого было никуда не деться.

Он сел поудобнее и, отведя взгляд на миг, снова посмотрел мне в глаза.

— Судмедэксперт сказал, что Калев умер от атрезии легочной артерии, которая почти всегда диагностируется вскоре после рождения ребенка. Калебу было два месяца, и у него не наблюдалось никаких симптомов. Он выглядел как обычный здоровый ребенок. Твоя мама... — Он сглотнул. — Она не верила, что мертвый младенец, которого она обнаружила в кроватке, был нашим ребенком. Сказала, что мать знает свое дитя и что кто-то подменил ее ребенка на мертвого.

Папин голос дрогнул на последнем слове. Глаза защищало от слез, и я смахнула их.

— Ребенок походил на Калеба, и судмедэксперт заключил, что в его смерти не было ничего подозрительного. Я объяснил это твоей маме, но она была так убита горем, что не поверила. Ничто не могло убедить ее в том, что Калев мертв.

— Что ты сделал? — спросила я сквозь ком в горле.

Я всегда видела печаль в маминых глазах, когда звучало имя Калеба, но родители никогда не вдавались в подробности о его смерти, назвав лишь причину.

Отец прокашлялся.

— Я думал, что через несколько дней она смирится, но она отказывалась даже организовать похороны. А потом начала подходить к незнакомцам с детьми, чтобы убедиться, что их ребенок не Калев. — Папа замолчал, а его лицо исказилось от боли. — В первый год все было совсем плохо. Со временем она стала больше похожа на саму себя, но сомневаюсь, бывала ли она счастлива, пока мы не узнали, что она беременна тобой.

— Вы никогда мне об этом не рассказывали, — хрипло сказала я.

— Мама не хотела, чтобы ты знала. Это было очень тяжелое время в нашей жизни, и ей было стыдно за то, как она себя вела. — Он вновь поморщился от душевной боли. — Никто не поверил ей, когда она сказала, что тот ребенок не Калев, даже я. А она все это время была права.

Мне было необходимо хоть чем-то себя занять, и, отложив альбом на кофейный столик, я встала и принялась мерить комнату шагами. Было слишком больно думать о том, что пережили мои родители, а потому я сосредоточила свои мысли на их исчезновении.

— Что случилось той ночью, когда вы пропали, пап?

Он распрямил плечи, будто избавляясь от боли.

— Твоя мама хотела лично увидеть принца. Мы связались с одним из контактных лиц в «Ральстоне» и выяснили, что у него проходила фотосессия в небольшом банкетном зале на шестом этаже. Шансы подобраться к нему были невелики, но мы должны были попытаться. — Папа устремил взгляд мимо меня, вспоминая события той ночи. — Едва мы вышли из лифта, я понял, что твоя мать была права. Принц Риз и есть Калев.

Меня накрыла новая волна потрясения.

— Вы видели его?

— Не принца. Дверь банкетного зала была открыта, и присутствующие уже уходили. Впереди группы шли двое фейри и, едва завидев нас, преградили нам путь. Мы даже не успели показать им свои удостоверения, а они уже знали, кто мы такие. Один из них сказал, что им стоило убить нас двадцать лет назад, когда они забрали мальчика.

Я зажала рот ладонью, а он продолжил:

— Они связали нас и велели страже отвести принца в его номер, пока сами улаживают возникшую проблему. Следующее, что я помню: мы оказались в банкетном зале, а фейри звонили Роджину Хавасу, чтобы он избавился от нас. Они не хотели, чтобы смерть двух известных охотников за головами привлекла внимание к принцу Ризу, и не желали рисковать тем, что репортеры установят связь между ним и нами. Они понятия не имели, что сестра Роджина перехватит звонок и спасет нас.

— Ты помнишь ее? — Я рассказала отцу о том, что именно Раиса давала им горен, чтобы сохранить их жизнь. До сих пор он не помнил о ее участии во всем этом.

— Да. Я очнулся в ее доме. Она обещала сделать все, что в ее силах, чтобы сохранить нам жизнь. Все мои последующие воспоминания затуманены. Я не могу отличить настоящие от тех, что были навеяны гореном.

Я продолжала мерить комнату шагами. Не могла думать ни о том, что мой брат, возможно, жив, ни о том, через что прошли мои родители. Мой разум не мог переварить все это сразу. Вместо этого я сосредоточилась на человеке, который стоял у истоков, на том, кто причинил моей семье так много боли.

— Я одного не понимаю: зачем? Зачем королеве Анвин красть человеческого ребенка, превращать его в фейри и воспитывать как своего сына? Своего наследника? Одно о политике фейри я знаю наверняка: они хотят, чтобы в королевском роду была только самая голубая кровь. Не поверю, что хоть один благой фейри, в котором течет хотя бы капля королевской крови, согласится, чтобы однажды их королем стал тот, кто даже не был рожден фейри.

— Согласился бы, если бы не знал, что он не рожден фейри.